

***Лингвистические биографии евреев,
говорящих на идиш в Эстонии***

Анна Вершик

Folklore Vol. 20

<http://www.folklore.ee/folklore/vol20/yiddish.pdf>

Перевод с английского Рут Брашинской.

1. Введение.

Давайте представим себе человека, владеющего одним языком, члена лингвистического большинства. Описать его социолингвистическую историю не представляет трудностей. Достаточно просто спросить, какой его родной язык, и мы получим ясный ответ.

Однако, в случае многоязычия ситуация гораздо сложнее. Ниже мы будем обсуждать положение, когда родным является больше, чем один язык, и тогда на подобный вопрос нельзя ответить четко. Во-первых, возможны разнообразные определения понятия «родной язык», и в основу могут быть взяты различные критерии. Во-вторых, данные могут меняться с течением времени, и в разные периоды жизни у человека могут быть различные родные языки.

Социолингвистическое исследование еврейской общины всегда включает в себя изучение многоязычия (Фишман 1991а: 308). Более того, язык идиш все еще остается внутренне спорным языком, и люди одинаковой этнокультурной общности часто расходятся в вопросах его оценки (Керлер, 1998). Фишман (1991а: 41-52) проанализировал пример такого расхождения в своем ответе М-Лефин-Сатановеру, Т.Федеру и И.Ш.Бику.

В первый период своей независимости (1918-1940) балтийские государства представляют собой прекрасную иллюстрацию различий между евреями. Ситуация с носителями идиш (далее НИ) в трех странах различалась и качественно, и количественно (см. Вершик); несмотря на это во всех балтийских государствах существовала культурная и образовательная автономия для национальных меньшинств, что создавало условия для сохранения еврейской национальной индивидуальности путем использования идиш и иврита. В Эстонии культурная автономия даже способствовала некоему национальному возрождению среди городских и не религиозных евреев (Мендельсон 1983: 254). И все же, как это

станет ясным из нижеследующих примеров, выбор языка и мотивация его использования среди НИ в Эстонии были и продолжают быть непростыми.

В этой работе мы обсудим следующие вопросы: концепцию лингвистической биографии, причины того, почему традиционное понятие о родном языке не работает в случае многоязычия, и недостаточность статистических данных переписей населения. Мы нарисуем портрет среднего НИ в Эстонии и, в заключение, приведем примеры лингвистических биографий.

2. Концепция лингвистической биографии

В ситуации, когда возможен выбор из нескольких языков, требуется определение, отражающее всю сложность динамики лингвистического поведения. Многоязычие может быть и общественным, и индивидуальным феноменом. Статистика переписей населения обычно, но не обязательно, показывает общие направления на общественном уровне. Однако, по-моему, нам не хватает какого-то определения индивидуального многоязычия, особенно если это касается такой маленькой общины, как евреи в Эстонии (3.434, или 0,4% в 1934 г. и 2.275 или 0,16% в 2000 г.).

Для современных ученых устная история – дело не новое. Существует, по меньшей мере, два подхода: «традиционная» история и устная история, собранная от людей. Эстонский литературный музей недавно начал проект, названный «Эстонские биографии» (Eesti elulood): людям предлагают написать свою биографию и прислать ее в музей. Таким же образом мы можем использовать различные инструменты для социолингвистического анализа: макросоциолингвистику для многоязычия и лингвистические биографии для индивидуального многоязычия.

Во время моего изучения эстонского диалекта идиш (1995-1999) я провела интервью с 28 персонами. Интервью состояли из трех частей. Первая часть была структурированным вопросником относительно биографических данных и проблем выбора языка: когда и на каком языке говорили, с кем и где; самооценка уровня знания каждого языка по четырем параметрам (чтение, письмо, понимание и умение говорить) и т.д. Во второй части интервью НИ просили рассказать об их детстве и юности. В третьей части им предстояло сделать выбор из нескольких предложенных слов. Во время первых двух частей интервью я поняла, что биографии НИ, фактически, неразрывны с их лингвистическими историями. Обстоятельства их жизней очень часто требовали от них обращения к тому или иному языку, что, тем не менее, не означало полного перехода на другой язык.

Следовательно, лингвистическая биография – основанное на знаниях понятие, показывающее динамику выбора языка, языковые предпочтения и способности человека, владеющего несколькими языками. Далее мы покажем, каким образом традиционное понятие родного языка часто не применимо к НИ в целом и в нашем случае в особенности.

3. Родной язык: противоречивые определения

Несколько научных работ Скутнабб-Кангас (1984, 2000) подчеркивают двойкость понятия родного языка в случаях, когда человек владеет несколькими языками. Все зависит от критериев определения понятия «родной язык». Скутнабб-Кангас (1984: 18) предлагает четыре критерия определения этого понятия: происхождение, идентификация (внутренняя и внешняя), уровень знания и функционирование. Мы увидим, как различные критерии порождают в нашем случае различные ответы.

3.1. Происхождение

Родной язык по происхождению – язык, которому человек научился первым (язык, на котором он установил долговременный речевой контакт). Согласно этому критерию, большинство НИ в Эстонии могут назвать идиш своим родным языком. Однако очень мало кто считал только один язык своим первым языком. Часто в дополнение к идиш в доме говорили на другом языке (немецком, русском, эстонском), или у ребенка была няня, говорящая не на идиш (чаще всего по-эстонски), или родители разговаривали со своими детьми на других языках. Большинство опрошенных с ранних лет знают эстонский язык и не помнят процесса обучения ему: *mir hobn alemol geret estnis* – «мы всегда говорили по-эстонски».

3.2 Идентификация

Идентификация подразделена на внутреннюю (язык, названный человеком родным) и внешнюю (язык, приписанный человеку в качестве родного другими). Самоидентификация не обязательно отражает знание названного языка. Есть люди с пассивным знанием идиш, которые, однако, символически связывают себя с ним: идиш – «наш язык», «язык наших евреев» (см. Фишман 1991в: 22-24 о символической связи между языками и культурой). Многие же люди имеют различные языковые идентификации и называют себя носителями более чем одного языка.

Внешняя идентификация может противоречить внутренней, а также и другим критериям. Для эстонских евреев многоязычие – правило: они, как минимум, владеют двумя языками. Их владение языками помимо идиш не ограничивается примитивным знанием этих языков, они, скорее, блестяще знают хотя бы один язык кроме идиш. Поэтому часто считается, что их родным языком является эстонский и русский языки (в некоторых случаях немецкий). В переписи населения 1934 г. около 80 евреев, не иначе как под влиянием сионистской идеологии, назвали иврит своим «обычным языком». (Вторая перепись населения 1935: 106-107, табл. 8). Однако едва ли в Эстонии существовала община, члены которой

говорили бы между собой на иврите. Одна сторона иврит-идиш спора может быть точно названа разногласиями между внутренней идентификацией своим родным языком иврита некоторыми евреями и внешней идентификацией (основанной на других критериях), отвергающей такую возможность.

3.3. Уровень знания

Согласно критериям определения уровня знания, родной язык – это язык, которым человек владеет лучше всего. Уровень знания и внутренняя идентификация могут вступать в противоречие (слабое знание языка, но четкая самоидентификация себя как НИ). Картина еще более усложняется при попытке проанализировать, что значит «уровень знания».

Во-первых, двуязычие не значит «одинаковоязычие» (одинаковое знание каждого языка), и ошибочно было бы сравнивать двуязычного человека с двумя одноязычными, т.к. существует не много двуязычных людей, которых можно было бы назвать идеально одноязычными в каждом языке (Ромайн 2000: 6). Гросеян (1982: 232) говорит о «более реалистичных определениях». Резонно рассматривать беглость речи как континуум, когда говорящий на одном языке может продемонстрировать «полное, значимое высказывание на другом языке» (Хауген 1956: 6,7).

Во-вторых, идиш – групповой язык, и его используют в определенных границах. Вне этих границ используют другие языки. Это означает, что уровень знания каждого языка неизбежно отличается, т.к. общество не нуждается в двух языках для исполнения одинаковых функций (Фишман 1977: 1-49, процитировано из Clyne 2000: 307-308).

В третьих, уровень знания может быть различным в понимании языка, умении говорить, читать и писать. Несмотря на то, что в Эстонии до 1940 г. было доступно школьное образование на идиш, ясно, что не все дети, говорящие на идиш, учились в еврейских школах. В настоящее время мало кто может читать и писать (подробнее см. Вершик 1999).

3.4. Функционирование

Согласно определению родного языка по функционированию, родной язык – это язык, который человек использует чаще всего. Сегодня никто не использует идиш чаще всего. Это произошло в результате Холокоста и советской оккупации. Язык идиш применяется в скорее ограниченном количестве ситуаций. Но даже если ссылаться на ситуацию до 1940 г., трудно сказать, какой язык евреи использовали чаще всего. Короче, ситуацию можно описать, назвав другими словами докторскую диссертацию Мерилл Свайн: многоязычие их родной язык (Свайн 1972, парафраз предложила Скутнабб-Кангас 2000: 111).

В случае с идиш существуют факторы, еще более усложняющие ситуацию. Как подчеркивал Фишман (1991: 53-54), идиш остался внутренне противоречивым языком. Люди, спорящие о символическом статусе идиша, принадлежат к «общей этнорелигиозной группе и в то же время имеют различные мнения по поводу языка (ов) определяющего (их) их этническую принадлежность». Сегодня еще не ясно, что означает «еврейский народ», и следует скорее говорить о субэтнических группах, как говорят об испанцах или арабах (Фишман 2000: 6-7). Я описала главные характеристики принадлежности к еврейству в Эстонии в другой работе (Вершик 2000) и коротко остановлюсь на этом вопросе ниже.

4. Перепись населения, идеология, самовосприятие

Как уже упоминалось во введении, статистические данные переписей населения могут быть проблематичными. Некоторые такие проблемы отражены в работе Фишмана (1991в: 40-41). Во-первых, вопросники переписей слишком мало спрашивают о языках. Во-вторых, переписи отвечают задачам «существующих социокультурных и этноязыковых учреждений». Например, в израильских переписях населения методом оценки является «разговорный язык». Это означает, что люди, говорящие на нескольких языках, не регулярно использующие язык, который они считают родным, не считаются носителями этого языка. Непонятно, как часто надо говорить на языке, чтобы он считался «языком повседневного использования» (Фишман 1991в: 314, 1999: 22).

В дополнение к этому, перепись иногда может отражать желаемое, а не действительное состояние дел в ответах респондентов. Мы упомянули уже 80 человек в эстонской переписи 1934 г., которые назвали иврит своим «повседневным языком». Не специалиста эта цифра может ввести в заблуждение. Несомненно, она содержит важную информацию, но следует задуматься, что эта цифра отражает в действительности: существование небольшой разговорной общины или самоидентификацию и идеологические направления? В этом же русле, в ответ на советскую политику русификации, многие эстонцы, латыши и литовцы отрицали владение русским языком, поэтому число прибалтов, знающих русский язык, согласно данным переписей населения 1979 и 1989 гг. подозрительно невелико (Друвиете 2000: 23).

Наиболее значительным недостатком многих переписей населения было то, что они не допускали нескольких определений. Например, вопросник относительно языков в последней эстонской переписи 2000 г. допускал упоминание только одного родного языка. Другие языки попадали в раздел под названием «Другие языки, которые Вы знаете: эстонский, русский английский немецкий, французский, финский, шведский, латышский, Ваш национальный язык, другие языки, не знаю других языков» (см. сайт Статистического управления Эстонии: www.stat.ee/

[loendused](#)). Излишне говорить, что, говоря об евреях – не ясно, какой язык считать национальным. Кроме того, понятие уровня знания языка четко не установлено.

Вернемся к мнению Фишмана (2000: 6-7), согласно которому было бы разумнее считать евреев не «еврейским народом», а одной из разнообразных субэтнических групп евреев. Хотим мы этого или нет, существуют значительные социокультурные и лингвистические различия между различными группами евреев в разных странах. Такое же различие имеется и между так называемыми коренными и приезжими меньшинствами в балтийских странах.

В каждой балтийской стране те, кто родился до советской оккупации, а также их потомки, считаются коренными. Те же, кто приехал после 1940 г. считаются приезжими. Коренные евреи Эстонии имеют двойное определение (эстонские/балтийские еврей), отличаются, среди прочего, знанием эстонского языка, как или почти как родного, причислением себя к еврейскому меньшинству до 1940 г. и языку идиш. Так называемые приезжие – в основном носители только русского языка, не связывающие себя с идиш, у них слабые связи с Эстонией и ее культурой (подробнее см. Вершик 2000). В своей статье о евреях Латвии и Эстонии Куповецкий (1986) подчеркивает различие между коренными и приезжими группами и отмечает, что часто коренные евреи в культурном и языковом плане имеют больше общего с основным населением, чем приезжие евреи. К сожалению, эти различия не находят отражения в переписях населения.

Это подводит нас к следующему разделу, где мы попытаемся нарисовать портрет носителей идиш (НИ) в Эстонии.

5. Портрет носителя идиш (НИ) в Эстонии

Этот портрет основан на моих личных контактах с НИ и фактах их (языковых) биографий.

5.1. Общий фон

НИ не моложе 60 лет, живет в Таллинне (столице) или в Тарту (университетский город) и часто женат/замужем не на еврее/еврейке, а на эстонце/эстонке. Традиционное еврейское обучение и иврит (*loshn-kojdesh*) в Эстонии на самом деле не играло никакой роли: родители теперешних НИ были уже довольно нерелигиозными.

НИ знает как родные минимум два языка. В добавление к эстонскому и русскому, НИ говорит на местном диалекте идиш (эстонский диалект идиш) и не связан со стандартным идиш. Этому есть несколько объяснений. Еврейское меньшинство в Эстонии всегда было практически невидимым и устойчиво составляло 0,4% от общего числа населения до 1940 г. Сегодня эта цифра составляет 0,16%. Несмотря

на активную деятельность в рамках культурной автономии, в Эстонии почти не было местной прессы на идиш, и, в отличие от Латвии и Литвы с их широкой сетью разнообразных еврейских школ, было только три еврейские школы. В двух из них преподавание велось на идиш. Все евреи владели другими языками помимо идиш и часто учились в нееврейских школах, поэтому знали только разговорный идиш. Эстонский диалект идиш представляет собой скорее однородный диалект и почти не имеет региональных вариаций. Как правило, НИ не имеют связи с другими диалектами идиш (Вершик, 1999).

Ясно, что при советской власти еврейских школ не было, и идиш был доступен только в советских изданиях и в советском правописании. Для тех, кто хотя бы немного учился идиш, эти издания были неприемлемы по символическим, идеологическим и практическим соображениям. Например, Лия К. из Таллинна (1922 г. рождения) рассказала мне, что чтение книг на идиш, напечатанных согласно советским стандартам, требовало от нее таких больших усилий, что она совсем перестала читать на идиш.

5.2. Умение читать и писать на идиш

Упомянутые выше обстоятельства привели к драматическому снижению умения читать и писать на идиш. НИ не умеет писать и, в лучшем случае, может читать на идиш. Бывают случаи, когда устное общение происходит на идиш, а письменное – на другом языке.

Когда НИ попросили оценить свой уровень понимания языка, разговора, чтения и письма, некоторые из них заявили, что они не уверены, смогут ли читать на идиш, т.к. они не делали этого 40-50 лет. Обычно они читают прессу и художественную литературу на других языках.

5.3. Образование

Очень немногие в течение школьных лет учились на одном языке. Число учащихся, посещавших еврейские или эстонские школы, повышалось за счет русских и немецких школ. Все же в некоторых местах (Пярну, Раквере) немецкая ориентация была еще сильна. Довольно обычной была смена школ и языков обучения. Борьба между идишистами и гебраистами тоже влияла на выбор школы: гебраисты преобладали в так называемом культурном самоуправлении. Только в результате значительного давления со стороны родителей, говорящих на идиш, он стал языком обучения в Таллиннской еврейской гимназии наряду с ивритом. Если еврейская школа не предлагала язык, который хотели родители (например, иврит вместо идиш), они посылали своих детей в нееврейскую школу.

Следует отметить, что иврит не был чьим-нибудь первым языком. Дети должны были изучать совершенно чужой язык. Выпускники школ (за исключением тех, кто

позже эмигрировал в Палестину/Израиль) никогда активно его не использовали. Как правило, они почти забыли язык.

Высшее или профессиональное образование обычно получали на эстонском языке.

5.4. Отношение к языку

Люди ощущают идиш как «наш» язык, даже если знают другой язык лучше, чем идиш. Практически все они думают, что диалект, на котором они говорят, и является стандартным идиш, или, по крайней мере, он основывается на их диалекте. Эстонский диалект идиш развился на основе курляндского и вместе с различными диалектами Литвы и Белоруси принадлежит к северо-восточной группе диалектов идиш. Однако опрошенные понимают существование некоторых исторических социокультурных отличий между Литвой, с одной стороны, и Курляндией и Эстонией – с другой (подробнее см. Мендельсон 1983). Поэтому они считают себя «балтийскими евреями», а не «литовскими евреями»: *mir zajnen nit kejn litvakes, mir zajnen baltishe* «мы не литваки, мы балтийские».

НИ владеет другими языками и принадлежит одновременно к различным разговорным сообществам. Постоянный переход с одного языка на другой – обычная стратегия общения. Несколько человек, поэтому, сказали мне, что им очень трудно сказать, на каком языке они разговаривают с другими НИ.

6. Выводы

Понятно, что в случае, когда люди владеют многими языками, очень трудно адекватно описать их лингвистическую историю, используя традиционные инструменты переписи населения или концепцию родного языка. В добавление к обычным трудностям, касающимся определения многоязычия, существуют трудности, связанные со сложностями в ситуации с еврейскими языками в частности, т.е. не ясно, какой язык является национальным языком евреев.

Применяя различные определения родного языка для многоязычных людей (основанные на происхождении, идентификации (внутренней и внешней), оценке уровня знания и функционировании), мы получим различные результаты: у НИ редко бывает один родной язык даже по критериям происхождения, и самоидентификация часто противоречит уровню знаний. Если рассматривать функционирование (чаще всего используемый язык), тогда идиш – ничей родной язык, что противоречит уровню знаний и идентификации. Переписи населения редко дают возможность двойной идентификации, она же, однако, является решающей для самоидентификации местного еврейского меньшинства.

Будем надеяться, что лингвистические биографии помогут там, где не справились другие инструменты исследования. Лингвистические биографии не позволяют

делать далеко идущие выводы относительно социолингвистической ситуации в целом, однако, они проливают свет на детали, остающиеся иначе невидимыми. Сравнительное изучение лингвистических биографий НИ в балтийских странах может стать интересным предметом дальнейших исследований.

7. Примеры лингвистических биографий

В этом разделе представлены две лингвистические биографии. В каждой биографии я пыталась осветить следующие вопросы: первый выученный язык(и), самоидентификация, языковой выбор и отношение к языку.

Евгения Г.-Л. (1922-2001) родилась в Румынии, однако это автоматически не означает, что ее родители и она говорили на румынском диалекте идиш. Отец Евгении временно работал в Румынии. Ее родители разговаривали на разных диалектах северо-восточного идиш, а также и на других языках. Это редкий случай, когда оба родителя НИ из Эстонии родились за пределами Эстонии. Евгения говорила по-русски со своим отцом и по-немецки – с матерью.

Отец Евгении, господин Г., был приглашен работать директором еврейской гимназии в Таллинне, и семья в 1925 г. переехала в Эстонию. Мать с ее любовью к немецкому языку чувствовала себя комфортно в стране, где доминировала немецкая культура. Родители оба быстро овладели эстонским языком и стали эстонскими гражданами. Они не сторонились и эстонской культуры. Евгения отмечала, что ее родители ходили в эстонские театры и иногда читали эстонские книги.

Господин Г. был историком, выпускником Варшавского университета. Он хорошо знал еврейскую историю и, как директор еврейской гимназии был на своем месте. Однако он расстраивался из-за борьбы между сторонниками идиш и иврита и пытался избегать привнесения политики в школьную жизнь.

Евгения слышала идиш от друзей семьи, хорошо разговаривала по-русски и по-эстонски, но отождествляла себя с немецким языком и культурой. Она разговаривала по-немецки со своей матерью и с большинством своих друзей. Она хотела учиться в немецкой школе. Ее отец, директор еврейской школы, не мог, однако, допустить этого, т.к. это могло бы повредить его профессиональной репутации. Евгения училась на иврите, который ей не нравился, и была очень недовольна выбором родителей. Она не интересовалась сионизмом и думала, что иврит ей не нужен. На переменах она разговаривала по-немецки и иногда на идиш (его диалекте, на котором говорили в Эстонии). Я спросила ее, помнит ли она, чтобы в школе во время перемен кто-нибудь разговаривал на иврите, и ответ был отрицательным. Другие выпускники школы отмечали то же.

Евгения окончила школу в 1940 г. Она хотела стать историком и поступила на философский факультет Тартуского университета. Но из-за событий 1940-1941 гг.

она не смогла там учиться. В 1941 г. семья эвакуировалась в Россию, а в 1944 г. вернулась в Эстонию. Евгения обнаружила, что почти забыла эстонский язык во время своего пребывания в России, но быстро восстановила свои знания. Было ясно, что при советской власти она не может показывать свою тягу к немецкой культуре. Евгения окончила Политехнический институт и позже стала преподавателем экономики. Она читала лекции и на русском, и на эстонском языках. Она грамматически правильно говорила на обоих языках, но с немецким акцентом. Этот акцент, однако, не был замечен в ее идиш, т.к. балтийский немецкий язык (его вариант, используемый в балтийских странах) и эстонский диалект идиш имели похожую артикулярную основу.

Евгения совершенно забыла иврит. Со своими еврейскими друзьями она разговаривала на немецком, идиш, русском и эстонском языках или на смеси этих языков. В конце 1980-х гг. национальное пробуждение эстонцев сопровождалось и общим подъемом национального самосознания живущих в Эстонии национальных меньшинств. В 1988 г. было организовано Еврейское культурное общество, Евгения стала одним из его активистов и как бы самодеятельным историком. Она обнаружила, что не забыла еврейские буквы и могла читать на идиш, но не на иврите. Евгения считала идиш важной частью культурного самосознания и никогда не выступала против него.

После восстановления независимости Эстонии в 1991 г. Евгения установила отношения с немецким посольством и стала подписываться на немецкую периодику. Нет смысла говорить, что она испытывала смешанные чувства по отношению к Германии, но сохранила привязанность к немецкому языку и культуре. В 1995 г. я была вместе с Евгенией в Германии на конференции, посвященной истории евреев в Латвии и Эстонии там присутствовало много потомков балтийских немцев. Они восхищались балтийским немецким Евгении, диалектом, который почти исчез.

Это сложная биография, отражающая многообразную культурную и лингвистическую идентификацию. Возможно, наиболее приемлемым было бы назвать язык «балтийско-еврейским».

Ита Л. родилась в 1927 г. в г. Выру и провела свое детство в Тарту. Во время интервью она сказала, что языком общения в их семье был немецкий, скорее, идиш и немецкий, т.к. родители говорили на обоих языках. Она отметила, что родители прекрасно говорили и по-эстонски, Она же научилась эстонскому языку в раннем детстве от няни и соседских детей. Позже у нее была гувернантка-немка.

Ита поступила в эстонскую школу. Если у ее одноклассников бывали трудности с эстонской грамматикой, они обращались за помощью к ней. Иностраным языком в школе был, конечно, немецкий. Таким образом, в детстве она бегло говорила на трех языках, а читать и писать могла на двух. Она так и не научилась читать и писать на идиш.

Во время войны семья эвакуировалась в Чувашию. Ита, привыкшая знать «все языки», оказалась внезапно без языка: идиш, эстонский и немецкий там были не нужны. Ей надо было продолжать учиться. В том месте, где жила семья, была только чувашская школа. Чтобы познать основы чувашского языка, много времени не понадобилось. Ита сказала, что она знала только разговорный язык, а грамматике так и не научилась. Она сама оценила свое знание чувашского языка как не отличное, но достаточное для учебы в школе.

Окончив семилетку, она захотела получить среднее образование. Это значило, что надо было поступить в расположенную далеко среднюю школу и овладеть русским языком, которого она раньше не знала. Она сказала, что это было не очень сложно. После войны семья вернулась в Эстонию. Ите нужно было учиться в средней школе еще год. Теперь она чувствовала себя более уверенной в русском языке, чем в эстонском (немецких школ больше не было). Она окончила русскую школу, но решила учиться дальше в Эстонии.

Ита хотела изучать медицину в Тартуском университете. Ей надо было сдать вступительные экзамены по физике, химии, иностранному языку и написать сочинение. Она не волновалась по поводу экзамена по иностранному языку (немецкому) и сочинения. Она считала, что достаточно владеет эстонским. Однако физика и химия были проблематичны, т.к., окончив русскую школу, она не знала нужных терминов по-эстонски. Она попросила экзаменаторов разрешить ей отвечать по-русски. Ей разрешили, и она успешно сдала экзамены.

Муж Иты тоже был врачом. Она не могла точно сказать мне, на каком языке они разговаривали между собой: иногда это был идиш, иногда – эстонский. Она сказала, что эстонский язык она знает лучше других языков, но ей приятно говорить на идиш, и говорит она на нем бегло. Она продолжала разговаривать на идиш со своими родителями. Ее дети понимают идиш, но не могут бегло говорить. Ее дети (двое) тоже изучали медицину в Тартуском университете. Ита сказала, что иногда она оказывалась на дежурстве в больнице в одно время со своим сыном, и они говорили на идиш, когда никто не слышал.

Ита почти забыла чувашский язык за исключением народных песен и нескольких элементарных фраз. Она сказала, что обычно никогда не переходила с одного языка на другой в процессе разговора, однако, недавно я заметила, что она это иногда делает. Использование разных языков настолько обычно в ее жизни, что иногда трудно вспомнить, в каком случае на каком языке разговаривали. Я спросила Иту, ходила ли она в детский сад, и на каком языке говорили там. Она ответила, что да, ходила, но не могла вспомнить языка общения. Потом она стала вспоминать вслух о детях в детском саду. Она вспомнила их имена: там были Куртхен и Лизхен, наверное, это был немецкий детский сад.

Несколько лет назад Ита уехала к дочери в США. У меня нет информации о том, насколько хорошо она знает английский язык, но, принимая во внимание факты ее лингвистической биографии, я уверена, что она освоила хотя бы его основы.